

Международные организации

ВОПРОС О ЯДЕРНОМ ОРУЖИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ СУДЕ ООН

Н.Н. Дубик *

Продвижение мирового сообщества к всеобъемлющей международной безопасности проходит в том числе и через урегулирование вопросов относительно ядерных вооружений: прекращение всех испытаний, ограничение распространения, запрещение угрозы или применения ядерного оружия, а также полное запрещение и ликвидация ядерного оружия. Несмотря на многочисленные усилия государств и международных организаций, в этом направлении в международном праве до настоящего времени остается открытой проблема определения правового статуса ядерного оружия.

Международный Суд ООН в пяти делах касался вопросов регулирования правового режима ядерного оружия, включая ядерные испытания, угрозу или применение ядерного оружия в вооруженных конфликтах или при каких-либо других обстоятельствах. Результатом рассмотрения этих дел стали следующие решения и консультативные заключения: решения от 20 декабря 1974 г. по делу *Ядерные испытания (Австралия против Франции)* и по делу *Ядерные испытания (Новая Зеландия против Франции)*, решение от 22 сентября 1995 г. *Просьба об исследовании ситуации в соответствии с параграфом 63 Решения Суда от 20 декабря 1974 г. по делу Ядерные испытания (Новая Зеландия против Франции)*, консультативное заключение от 8 июля 1996 г. *Законность применения ядерных вооружений государством в вооруженном конфликте*, а также консультативное заключение от 8 июля 1996 г. *Законность угрозы или применения ядерных вооружений*, в которых проводится анализ некоторых аспектов правового положения ядерного оружия в современном международном праве, намечаются перспективы развития международного права, а также подтвержда-

---

* Соискатель Центра международного права Института государства и права Российской академии наук.

ется необходимость дальнейшего сотрудничества всех государств относительно всеобщего и полного разоружения.

Впервые Международный Суд столкнулся с данной проблемой в двух делах, связанных с ядерными испытаниями. 9 мая 1973 г. Австралия и Новая Зеландия в отдельности возбудили процесс против Франции по поводу испытаний ядерного оружия в атмосфере, которые Франция намеревалась провести в южной части Тихого океана. Франция заявила, что в этом отношении Суд явно не обладает компетенцией, и отказалась участвовать в открытом заседании или направить документы. В двух постановлениях от 22 июня 1973 г. Суд по просьбе Австралии и Новой Зеландии назначил в этой связи временные охранительные меры, заключающиеся, в частности, в том, что Франции предлагалось до принятия судебного решения воздержаться от ядерных испытаний, вызывающих радиоактивные выпадения на территории Австралии и Новой Зеландии. В двух решениях, принятых 20 декабря 1974 г., Суд признал, что заявления Австралии и Новой Зеландии стали беспредметными и что Суду уже более нет необходимости выносить решение по этому вопросу. В данном случае Суд основывался в своих выводах на том, что цель, поставленная Австралией и Новой Зеландией, была достигнута, поскольку Франция неоднократно в своих публичных заявлениях сообщала о своем намерении в дальнейшем не проводить ядерных испытаний в атмосфере после завершения серии ядерных испытаний 1974 года¹.

В параграфе 63 судебного решения от 20 декабря 1974 г. указывается, что если дальнейшим поведением государства затрагиваются основы данного судебного решения, то заявитель может сделать запрос об исследовании ситуации в соответствии с положениями Статута; денонсирование Францией письмом от 2 января 1974 г. Общего акта о мирном разрешении споров, который рассматривается в настоящем деле как основа юрисдикции, не может представлять препятствие для такого запроса². Исходя из вышеизложенного и в связи с очередными ядерными испытаниями Франции Новая Зеландия 21 августа 1995 г. обратилась в Международный Суд с запросом об исследовании ситуации в соответствии с параграфом 63 решения Суда от 20 декабря 1974 г. В решении от 22 сентября 1995 г. Суд двенадцатью голосами против трех (против: судьи Веерамантри, Корона и судья *ad hoc* сэра Джеффри Палмера) отклонил просьбу Новой Зеландии и указал, что настоящая ситуация не подпадает под положения параграфа 63 решения от 20 декабря 1974 г. Суд сделал соответствующий вывод в связи с тем, что, в отличие от проводимых ранее ядерных испытаний в атмосфере, в данной ситуации речь шла о подземных ядерных испытаниях. Суд также отклонил просьбу Новой Зеландии о временных охранительных мерах, а также заявления

о вступлении в данное дело со стороны Австралии, Микронезии, Соломоновых и Маршалловых Островов³.

Международный Суд ООН 8 июля 1996 г. вынес два консультативных заключения относительно законности угрозы или применения ядерных вооружений. В первом из них, вынесенном по просьбе Всемирной организации здравоохранения (далее: ВОЗ), Суд отказался одиннадцатью голосами против трех (против: судьи Шахабуди, Веерамантри, Корума) ответить на поставленный перед ним вопрос о законности применения ядерного оружия государством в вооруженном конфликте⁴.

Суд отметил, что в соответствии с параграфом 1 ст. 65 Статута Международного Суда ООН и параграфом 2 ст. 96 Устава ООН должны быть соблюдены три условия при обращении в Суд специализированных учреждений с просьбой о консультативном заключении: учреждение должно быть уполномочено Уставом ООН или Статутом Международного Суда ООН запрашивать мнение у Суда; вопрос должен быть юридического характера; этот вопрос должен возникать в связи с деятельностью соответствующего учреждения⁵.

Первые два условия были выполнены. Суд пришел к выводу, что, несомненно, ВОЗ обладает компетенцией в соответствии со ст. 76 Устава ВОЗ и параграфом 2 ст. X Соглашения между ООН и ВОЗ от 10 июля 1948 г. просить о вынесении Судом консультативных заключений⁶. Относительно второго условия Суд заметил, что в консультативном заключении *Западная Сахара* от 16 октября 1975 г. он уже определил, что вопросы, выраженные в правовой терминологии и поднимающие проблемы международного права и по своей природе требующие ответа, основанного на праве, по своей сути являются вопросами юридического характера⁷. Вопрос, представленный Международному Суду ООН, фактически является вопросом юридического характера, поскольку, разрешая его, Суд должен определить обязательства государств в соответствии с правом и оценить, соответствуют ли действия государств этим обязательствам, таким образом отвечая на вопрос юридического характера⁸.

При рассмотрении третьего условия, дающего право международной организации обратиться в Международный Суд ООН с просьбой о консультативном заключении, Суд определил, что, несмотря на то что, согласно своему Уставу, ВОЗ имеет отношение к различного рода мероприятиям, направленным на защиту населения в случае применения ядерного оружия, а также к проведению исследований о влиянии на здоровье применения ядерного оружия либо любой другой опасной деятельности, вопрос, поставленный ВОЗ перед Судом, касается не результатов применения ядерного оружия, а законности его применения. Далее Суд уточнил, что, каким бы ни было влияние на здоровье и окружающую среду, компетенция ВОЗ, связанная с

этим, не зависит от законности действий, которые повлекли за собой такие последствия. Суд также отметил, что международные организации, в отличие от государств, не обладают общей компетенцией, а руководствуются «принципом специализации». Поэтому Суд сделал вывод, что ответственность ВОЗ обязательно ограничена сферой «общественного здоровья» и не может посягать на обязанности других частей системы ООН. И, несомненно, вопросы относительно использования силы, регулирования вооружений и разоружения находятся в пределах компетенции ООН и лежат вне этого специализированного учреждения.

Учитывая все вышеперечисленное, Международный Суд ООН пришел к выводу, что вопрос, поставленный Всемирной организацией здравоохранения, не возникает «в пределах сферы деятельности» данной организации, определенной в ее Уставе, и поэтому Суд в данном случае не может вынести консультативное заключение в связи с отсутствием соответствующей компетенции⁹.

Остановимся более подробно на рассмотрении еще одного консультативного заключения — от 8 июля 1996 г., касающегося законности угрозы или применения ядерного оружия, по просьбе Генеральной Ассамблеи ООН¹⁰. В отличие от вышеприведенного, Международный Суд ООН в данном консультативном заключении дал развернутый ответ по существу. Вопрос, поставленный перед Судом, был сформулирован резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/75 К от 15 декабря 1994 г. следующим образом: «Разрешена ли в соответствии с международным правом угроза или применение ядерного оружия в каких-либо обстоятельствах?»¹¹.

Международный Суд в параграфах 10—18 данного консультативного заключения, рассмотрев юрисдикцию Суда, отметил, что в соответствии с параграфом 1 ст. 65 Статута Международного Суда ООН и параграфом 1 ст. 96 Устава ООН «Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности могут запрашивать от Международного Суда консультативные заключения по любым юридическим вопросам». Некоторые государства утверждали, что Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности могут запрашивать консультативные заключения только в связи с их деятельностью. Проанализировав ст. 10, 11 и 13 Устава ООН, Суд пришел к выводу, что поставленный вопрос затрагивает различные аспекты деятельности Генеральной Ассамблеи, включая проблемы угрозы силой или применения ее в международных отношениях, процесс разоружения и прогрессивное развитие международного права.

Международный Суд так же, как и в предыдущем консультативном заключении по запросу ВОЗ, сославшись на консультативное заключение *Западная Сахара*, установил, что он имеет дело, несомненно, с вопросом юридического характера¹². Чтобы дать на него

ответ, Суд должен определить соответствующие принципы и нормы международного права, истолковать их, применить их по отношению к проблеме угрозы или применения ядерного оружия, таким образом предлагая ответ на правовой вопрос.

При рассмотрении в параграфах 14—19 данного консультативного заключения вопроса о дискреционных полномочиях в соответствии с параграфом 1 ст. 65 Статута Международного Суда ООН, Суд сослался на консультативное заключение *Толкование мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией*, в котором установил, что при вынесении консультативного заключения не по просьбе государства, а по просьбе органа, имеющего на это право, Суд, являясь также органом Организации Объединенных Наций и принимая участие в деятельности ООН, в принципе не должен им отказывать¹³. Несколько причин было приведено во время слушаний, чтобы убедить Суд, что во исполнении своих дискреционных полномочий он должен отказать в вынесении консультативного заключения по просьбе Генеральной Ассамблеи. Некоторые государства утверждали, что вопрос, представленный Суду, является неопределенным и не существует никакого спора по предмету вопроса. Чтобы ответить на данный аргумент, Суд указал на различие судебной и консультативной процедур. Целью консультативной процедуры является не урегулирование (по крайней мере, непосредственно) споров между государствами, а предложение юридической консультации запрашивающим органам и учреждениям. Суд не принял во внимание эти и другие аргументы и указал, что нет никаких существенных причин, чтобы отказать Генеральной Ассамблее в вынесении консультативного заключения.

Следует отметить, что в истории Суда не было случая отказа в вынесении консультативного заключения, основанного на дискреционных полномочиях Суда. Что же касается консультативного заключения *Законность применения ядерного оружия государствам в вооруженном конфликте* по запросу ВОЗ, то Суд отказался ответить по существу в связи с отсутствием юрисдикции в конкретных обстоятельствах.

Международный Суд в параграфах 23—34 консультативного заключения, тщательным образом проанализировав международное право, пришел к выводу, что “применимым правом” в данном деле являются Устав Организации Объединенных Наций и нормы права, регулирующие вопросы вооруженных конфликтов, включая ведение военных действий, а также соответствующие договоры относительно ядерных вооружений, которые Суд мог бы признать уместными. Вместе с тем Суд уточнил: чтобы быть наиболее корректным в применении Устава ООН и других норм права, в частности меж-

дународного гуманитарного права, необходимо принимать во внимание особые характеристики ядерных вооружений, включая их разрушительную способность, возможность причинять огромные человеческие страдания¹⁴.

Определив “применимое право” в данном деле, Суд рассмотрел поставленный перед ним вопрос в соотношении с положениями Устава ООН, касающимися угрозы силой или ее применения¹⁵.

Согласно параграфу 4 ст. 2 Устава ООН запрещается “угроза силой или ее применение как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций”. Это запрещение должно рассматриваться в соотношении с другими соответствующими положениями Устава. Так, в ст. 51 Устава установлено неотъемлемое право на индивидуальную либо коллективную самооборону в случае вооруженного нападения. Законное применение силы предусмотрено также ст. 42 Устава, в которой Совет Безопасности может уполномочить осуществить военные меры в соответствии с гл. VII Устава ООН. Эти положения применяются к любому использованию силы, независимо от применяемого оружия. Устав ООН, таким образом, явно не запрещает, но и не разрешает применение любого оружия, включая ядерное.

Право на самооборону, предусмотренное ст. 51 Устава ООН, должно учитывать условия необходимости и соразмерности (пропорциональности). В деле *Действия военного и полувоенного характера в Никарагуа и против Никарагуа* Суд заявил, что в соответствии с нормой международного обычного права самооборона признается оправданным средством, если она соразмерна (пропорциональна) вооруженному нападению и необходима для его отражения¹⁶. Принцип соразмерности, таким образом, не может сам по себе исключить применение ядерного оружия при самообороне во всех обстоятельствах. В то же время использование силы должно соответствовать праву, применяемому в вооруженных конфликтах, в частности международному гуманитарному праву. Суд также обращает внимание государств на саму природу ядерного оружия и последствия, оказываемые его применением.

Чтобы уменьшить или устранить возможность незаконного нападения, государства иногда предупреждают, что они обладают определенным видом оружия, которое они намерены использовать при самообороне. Является ли нет такое предупреждение “угрозой” в соответствии с параграфом 4 ст. 2 Устава, зависит от конкретных обстоятельств. Намерения “угрозы” или “применения” силы в соответствии с параграфом 4 ст. 2 Устава ООН являются связанными понятиями в том смысле, что если применение силы в

конкретном случае по каким-либо причинам незаконно, то, соответственно, угроза ее применения аналогично незаконна. Объявленная готовность применить силу — законна, если такое применение соответствует Уставу ООН. Таким образом, никакое государство в дальнейшем не будет рассматриваться Судом как законно угрожающее применить силу, если предполагаемое применение силы будет незаконным.

Определив соотношение с положениями Устава ООН относительно угрозы или применения силы, Суд перешел к анализу норм права, применяемого в вооруженных конфликтах. Прежде всего был исследован вопрос о существовании в международном праве норм, регулирующих законность или незаконность угрозы или применения ядерных вооружений *per se*¹⁷; затем был проведен анализ поставленного вопроса в связи с принципами и нормами международного гуманитарного права, применимого в вооруженном конфликте¹⁸, и права нейтралитета¹⁹.

Суд определил, что ни в международном обычном, ни в договорном праве не содержится каких-либо предписаний, разрешающих угрозу или применение ядерного оружия либо какого-нибудь другого оружия вообще или в определенных обстоятельствах, в частности при законной самообороне. Вместе с тем практика государств показывает, что незаконность угрозы или применения определенных вооружений как таковых является результатом не отсутствия разрешения, но, наоборот, формулируется как запрещение.

Суд не считает, что запрещение использования ядерного оружия может быть выведено на основе соответствующих положений Второй Гаагской декларации 1899 года, Приложения к Гаагской конвенции IV 1907 года либо Женевского протокола 1925 года. Кроме того, он не нашел какого-либо запрещения ядерных вооружений как таковых и в договорах, запрещающих применение других видов оружия массового поражения.

Заключение договоров относительно приобретения, производства, владения, развертывания и испытаний ядерных вооружений указывает на растущее беспокойство мирового сообщества относительно ядерных вооружений. Вместе с тем и в этих соглашениях также не содержатся нормы, полностью запрещающие применение ядерного оружия.

Судом были также исследованы договоры Тлателолко и Раротонга, протоколы к ним, а также декларации, сделанные в связи с продлением Договора о нераспространении ядерных вооружений. В соответствии с ними ряд государств взяли на себя обязательство не применять ядерное оружие в определенных зонах (Латинская Америка, южная часть Тихого океана) либо против определенных государств (безъядерных государств, являющихся участниками Договора о нераспространении ядерных вооружений). Однако даже

внутри этих рамок ядерные государства оставили за собой право применять ядерное оружие при определенных обстоятельствах, и это не вызвало возражений со стороны участников договоров Тлателолко и Раротонга или Совета Безопасности.

Затем Суд перешел к исследованию еще одного источника международного права — обычного права.

За последние 50 лет члены международного сообщества выражали различный подход к вопросу о неприменении ядерных вооружений. Исходя из этого, Суд не считал возможным констатировать, что имеется *opinio juris* по данной проблеме. Возникновению, как *lex lata*, обычной нормы, определенно запрещающей применение ядерных вооружений, препятствуют противоречия между зарождающимся *opinio juris*, с одной стороны, и все еще достаточно сильной приверженностью доктрине устрашения ряда ядерных государств (в которой право применять такие вооружения возможно при самообороне против вооруженного нападения, угрожающего жизненно важным интересам государства), с другой стороны. Вместе с тем было также отмечено, что ежегодное принятие Генеральной Ассамблеей подавляющим большинством большого количества резолюций, подобных резолюции 1653 (XVI), содержащих требование заключить соглашение о всеобщем запрещении применения ядерных вооружений, показывает стремление большей части международного сообщества сделать посредством запрещения применения ядерных вооружений значительный шаг вперед по пути ядерного разоружения.

Не найдя ни конвенционной, ни обычной нормы, определенно запрещающей угрозу или применение ядерного оружия как такового, Суд проанализировал данный вопрос в соотношении с международным гуманитарным правом.

После экскурса в историю появления и развития правовых норм, первоначально названных “законы и обычаи войны”, а впоследствии “международное гуманитарное право”, Суд указал, что основными принципами гуманитарного права являются:

во-первых, защита гражданского населения и гражданских объектов. Поэтому государства не должны рассматривать гражданское население объектом нападения и, следовательно, не должны применять такие виды оружия, которые при использовании против военных целей уничтожают и гражданские; во-вторых, запрет причинять чрезмерные страдания комбатантам и, соответственно, запрет применять оружие, влекущее такие страдания. Из этого следует, что государства не должны иметь неограниченный выбор применяемого вооружения.

Суд также рассмотрел “оговорку Мартенса”, первоначально включенную во Вторую Гаагскую конвенцию 1899 года, а затем в

Гаагские конвенции 1907 года и представляющую, по мнению Суда, достаточно действенный механизм в связи с постоянно развивающейся военной технологией. Современный вариант этой поправки присутствует в параграфе 2 ст. 1 I Дополнительного протокола 1977 года, в соответствии с которым “в случаях, не предусмотренных настоящим Протоколом либо другими международными соглашениями, гражданское население и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, которые вытекают из установившихся обычаев, принципов гуманности и требований общественной морали”.

Рассматривая возможность применения принципов и норм международного гуманитарного права, Суд обратил внимание, что ядерное оружие было изобретено после того, как появилось значительное количество принципов и норм гуманитарного права. Вместе с тем, по мнению Суда, из этого не следует, что принципы и нормы гуманитарного права не могут распространяться и на ядерное оружие. Такой вывод противоречил бы изначально гуманитарному характеру юридических принципов, на которых основано право вооруженных конфликтов и которые в одинаковой степени применимы ко всем видам боевых действий и ко всем видам оружия, будь то в прошлом, настоящем или будущем. В приложенном к консультативному заключению заявлении Председателя Суда Беджауи отмечается, что, являясь по своей сути “слепым” оружием, ядерные вооружения ставят под сомнение само существование гуманитарного права²⁰.

Аналогично Суд высказался и отношении принципа нейтралитета, который применим ко всем международным военным конфликтам независимо от используемых видов оружия.

Выводы, вытекающие из возможности применения в данном деле принципов нейтралитета и международного гуманитарного права, достаточно противоречивы. С одной стороны, тот факт, что применение ядерных вооружений регулируется правом вооруженных конфликтов, не обязательно означает запрет на такое применение. С другой стороны, применение ядерных вооружений (и оказываемые им неконтролируемые последствия) не может быть совместимо с принципами и нормами гуманитарного права и поэтому запрещено.

Эти противоречия нашли свое выражение при голосовании по пункту E постановленияющей части консультативного заключения, когда семь голосами против семи при решающем голосе Председателя Суд сделал заключение, что вследствие особых характеристик ядерных вооружений, о чем уже упоминалось выше, использование ядерного оружия едва ли совместимо с требованиями права, применяемого в вооруженных конфликтах. Однако не имеется до-

статочных оснований, чтобы с уверенностью сделать вывод, что при любых обстоятельствах применение ядерного оружия противоречит принципам и нормам права, применяемого в вооруженных конфликтах. Более того, Суд напомнил и о фундаментальном праве каждого государства на выживание и, таким образом, на право обратиться к самообороне в соответствии со ст. 51 Устава ООН, когда такое выживание находится под угрозой. Не может быть также проигнорирована практика государств, известная как “политика устрашения”, которой придерживались некоторые ядерные государства на протяжении многих лет.

Таким образом, Суд, исследовав современное международное право в целом, определил, что нельзя сделать категорического вывода о законности либо незаконности применения ядерных вооружений в чрезвычайных обстоятельствах самообороны, при которых выживание находится под угрозой.

В настоящее время международное право и зависящая от него стабильность международного правопорядка нуждаются в разрешении неопределенности относительно правового статуса таких смертоносных видов вооружений, как ядерное оружие. По мнению Суда, наиболее действенным средством в достижении такой цели является завершение процесса ядерного разоружения²¹.

В этих обстоятельствах, согласно ст. VI Договора о нераспространении ядерных вооружений, Суд придает большое значение обязательству добросовестно вести переговоры относительно ядерного разоружения. Данное обязательство охватывает формально 182 государства—участника Договора о нераспространении ядерных вооружений, или, другими словами, большую часть международного сообщества. Несомненно, любой реалистичный подход к проблеме всеобщего и окончательного разоружения, особенно ядерного, требует сотрудничества всех государств.

Исходя из изложенного, Международный Суд ООН в заключительном параграфе консультативного заключения от 8 июля 1996 г. *Законность угрозы или применения ядерного оружия* по просьбе Генеральной Ассамблеи ООН постановил ответить следующим образом на вопрос, поставленный Генеральной Ассамблеей:

А. Единогласно:

Ни в международном обычном, ни в международном договорном праве нет какого-либо специального разрешения относительно угрозы или применения ядерного оружия.

В. Семью голосами против трех (против: судьи Шахабуддин, Веерамантри, Корома):

Ни в международном обычном, ни в международном договорном праве нет всеобъемлющего и универсального запрещения угрозы или применения ядерного оружия как такового.

С. Единогласно:

Угроза или применение силы посредством ядерного оружия, которая противоречит параграфу 4 ст. 2 Устава Объединенных Наций и не соответствует всем требованиям ст. 51, незаконна.

Д. Единогласно:

Угроза или применение ядерного оружия должны также рассматриваться на соответствие международному праву, применяемому в вооруженных конфликтах, в особенности принципам и нормам международного гуманитарного права, а также специальным требованиям договоров и другим обязательствам, которые явно касаются ядерных вооружений.

Е. семью голосами против семи при решающем голосе Председателя Суда (за: Председатель Суда Беджауи, судьи Ранджева, Герцег, Ши, Фляйшхауэр, Верещетин, Феррари Браво; против: Заместитель Председателя Швейбл, судьи Ода, Гийом, Шахабуддин, Веерамантри, Корома, Хиггинс).

Как вытекает из вышеупомянутых требований, угроза или применение ядерных вооружений вообще противоречили бы нормам международного права, применяемого в вооруженных конфликтах, в особенности принципам и нормам международного гуманитарного права.

Однако, принимая во внимание современное состояние международного права, а также элементы фактической стороны дела, Суд не может сделать окончательного вывода о законности либо незаконности применения ядерного оружия в чрезвычайных обстоятельствах самообороны, при которых выживание государства действительно находится под угрозой.

Ф. Единогласно:

Существует обязательство добросовестного ведения и завершения переговоров, ведущих к ядерному разоружению во всех его аспектах под строгим и эффективным международным контролем²².

Достаточно неоднозначное отношение к рассматриваемой проблеме выразилось и в заявлениях, особых и отдельных мнениях судей Международного Суда ООН, которые приложены к консультативному заключению.

В особом мнении судьи Ода подчеркивается, что Суд должен был использовать свои дискреционные полномочия и вообще отказать Генеральной Ассамблее в вынесении консультативного заключения, поскольку она злоупотребила своим правом и преследовала не правовые, а политические цели. Выразив надежду на ликвидацию ядерного оружия, он вместе с тем отметил, что это прерогатива политических переговоров²³.

Часть судей, голосовавших против соответствующих положений постановляющей части консультативного заключения (в особен-

ности пункта Е), обосновывали свою позицию тем, что в международном праве нет неопределенности по вопросу о возможном применении ядерного оружия в чрезвычайных обстоятельствах самообороны. Такой точки зрения придерживается, например, в своем особом мнении Заместитель Председателя Суда Швейбл, который вместе с тем поддерживает заключение Суда о том, что применение ядерного оружия вообще противоречило бы принципам и нормам права вооруженных конфликтов²⁴.

Часть судей, напротив, считает, что Суд должен был более определенно высказаться о незаконности применения ядерного оружия. Особое мнение судьи Веерамантри основано на суждении, что при любых обстоятельствах угроза или применение силы посредством ядерного оружия незаконны. Это нарушает фундаментальные принципы международного права и представляет собой отрицание самих основ гуманитарного права²⁵. Судья Корона в особом мнении также отметил, что на основе существующего международного права и фактической стороны дела использование ядерного оружия привело бы к нарушению, по крайней мере, принципов и норм международного гуманитарного права²⁶. Подобную позицию высказала и судья Хиггинс в своем особом мнении²⁷.

Вместе с тем большинство Суда придерживается точки зрения, что в международном праве недостаточно точно определен правовой режим ядерного оружия, однако угроза или применение ядерного оружия вообще противоречат принципам и нормам гуманитарного права. В своем заявлении судья Верещетин отметил, что в консультативной процедуре, когда необходимо не решить конкретный спор, а установить право, Суд не может заполнять пробелы или корректировать право, если оно несовершенно. Суд поэтому не может быть обвинен в уклончивости и нерешительности, поскольку право, на котором основано заключение, само по себе противоречиво. Консультативное заключение адекватно отражает правовую ситуацию и показывает приемлемые пути к тому, чтобы положить конец существованию каких-либо "серых областей" в правовом статусе ядерного оружия²⁸.

Как продемонстрировали слушания и вынесенные консультативные заключения по вопросу о законности угрозы или применения ядерных вооружений, в международном праве не существует однозначного отношения к проблеме возможной угрозы или применения ядерных вооружений. Вместе с тем общие тенденции в современном международном праве и в международных отношениях позволяют утверждать о стремлении международного сообщества к всеобъемлющей безопасности, и прежде всего к ядерной безопасности.

Стремление к сотрудничеству в решении вопросов относительно ядерных вооружений было продемонстрировано на Московской

встрече на высшем уровне по ядерной безопасности, которая прошла 19—20 апреля 1996 г. В Московской декларации была подтверждена необходимость присоединения к Договору о нераспространении ядерных вооружений тех государств, которые еще этого не сделали, при его бессрочном и безусловном продлении. Было заявлено о приверженности заключить и подписать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний как одной из приоритетных задач международного сообщества в области разоружения и нераспространения и выполнения обязательств по ст. VI Договора о нераспространении ядерных вооружений.

В сентябре 1996 года Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, проект которого обсуждался на Женевских переговорах, получил одобрение на 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и был открыт для подписания.

---

¹ International Court of Justice Reports of judgements, advisory opinion and orders. — 1974.

² I.C.J. Reports. — 1974. — P. 477.

³ Request for an examination of the situation in accordance with paragraph 63 of the court's judgment of 20 December 1974 in the Nuclear Tests (New Zealand v. France) case. — I.C.J. Reports. — 1995. — P.307—308.

⁴ Вопрос был сформулирован в резолюции WHA46.40 от 14 мая 1993 г. Всемирной ассамблеи здравоохранения следующим образом: «Вследствие оказываемого воздействия на здоровье и окружающую среду будет ли применение ядерного оружия государством в войне либо в другом вооруженном конфликте нарушением обязательств в соответствии с международным правом, включая Устав Всемирной организации здравоохранения?» (Legality of use by a state of nuclear weapons in armed conflict.— Advisory opinion. — General List № 93. — Para. 1. — P. 3).

⁵ Ibid. — Paras. 10—31. — P. 6—16.

⁶ Ibid. — Paras. 11—12. — P. 6—7.

⁷ Western Sahara. Advisory Opinion. — I.C.J. Report — 1975. — Para. 15. — P. 18.

⁸ Legality of use by a state of nuclear weapons in armed conflict. — Advisory opinion. — General List № 93. — Para. 13—17. — P. 7—8.

⁹ Ibid. — Paras. 31—32. — P.16—17.

¹⁰ Запрос от 19 декабря 1994 г.; зарегистрирован в Международном Суде 6 января 1995 г.

¹¹ Legality of the threat or use of nuclear weapons. — Advisory opinion. — General List № 95. — Paras. 1—9. — P. 2—7.

¹² Ibid. — Para. 13. — P. 8—9.

¹³ Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary and Romania, First Phase. Advisory Opinion. — I.C.J. Reports. — 1950. — P. 71.

¹⁴ Legality of the threat or use of nuclear weapons. — Advisory opinion. — General List № 95. — Paras. 35—36. — P. 16—17.

¹⁵ Ibid. — Paras. 37—50. — P. 17—20.

¹⁶ Military and Paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). — I.C.J. Reports. — 1986. — Para. 176. — P. 94.

¹⁷ Legality of the threat or use of nuclear weapons. — Advisory opinion. — General List № 95. — Paras. 49—73. — P. 20—27.

¹⁸ Ibid. — Paras. 74—87. — P. 27—30.

¹⁹ Ibid. — Paras. 88—89. — P. 31.

²⁰ Ibid. — Déclaration de M. Bedjaoui, Président.

²¹ Ibid. — Paras. 98—103. — P. 33—35.

²² Ibid. — Paras. 105. — P. 35—37.

²³ Ibid. — Dissenting opinion of Judge Oda.

²⁴ Ibid. — Dissenting opinion of Vice—President Schwebel.

²⁵ Ibid. — Dissenting opinion of Judge Weeramantry.

²⁶ Ibid. — Dissenting opinion of Judge Koroma.

²⁷ Ibid. — Dissenting opinion of Judge Higgins.

²⁸ Ibid. — Declaration of Judge Vereschetin.

Статья поступила в редакцию в ноябре 1996 г.